

КЛЯТВА РАБА

Нарек Акобян

Нарек Акобян

Клятва раба

«Автор»

2026

Акобян Н. А.

Клятва раба / Н. А. Акобян — «Автор», 2026

«Человек силён только тогда, когда не отказывается от своей правды, а самый слабый — когда не принимает свою ошибку». Макс никогда не искал ответов — пока одна ночь не перевернула его жизнь. Чтобы спасти друга, он вступает в мир, где правят не деньги, а законы чести и мудрости. Его учитель — человек, который когда-то был рабом и дал клятву о свободе. Он научит Макса тому, что нельзя купить за деньги. Но цена ученичества — сама свобода.

© Акобян Н. А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Клятва раба	5
Оглавление	6
Глава 1. Прозрачная ночь	7
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Нарек Акобян

Клятва раба

Клятва раба

© Нарек Акобян, 2026

«Человек силен только тогда, когда не отказывается от своей правды, а самый слабый — когда не принимает свою ошибку».

Макс никогда не искал ответов — пока одна ночь не перевернула его жизнь. Чтобы спасти друга, он вступает в мир, где правят не деньги, а законы чести и мудрости. Его учитель — человек, который когда-то был рабом и дал клятву о свободе. Он научит Макса тому, что нельзя купить за деньги. Но цена ученичества — сама свобода.

16+

Оглавление

- Глава 1. Прозрачная ночь
 - Глава 2. Огонь дружбы
 - Глава 3. Без моей любви
 - Глава 4. Еда не беда
 - Глава 5. Дом крестьянина
 - Глава 6. Аромат любви
 - Глава 7. Уроки Василя
 - Глава 8. И все враги, и все сотрудники
 - Глава 9. Интересная правда
 - Глава 10. Собрание друзей
 - Глава 11. Ураган ненависти
 - Глава 12. Сила скромности
 - Глава 13. Адрес потерянной книги
- © Нарек Акобян, 2026

Глава 1. Прозрачная ночь

Ночь. Чёрное море дышало. Оно не просто шумело — оно дышало. Медленно, глубоко, как будто прислушивалось к чему-то, что находится далеко за горизонтом, за пределами человеческого понимания. Его дыхание было древним — в нём слышались эпохи, которых никто не помнит, языки, на которых уже никто не говорит. В каждом выдохе таилось нечто невыразимое. Что-то, от чего кровь то бросалась в лицо горячей волной, то отступала, оставляя после себя странный холодок. Что-то, что заставляло сердце сбиваться с ритма и биться в такт с этим древним, безмолвным голосом.

Я стоял у самой кромки воды, там, где море встречается с сушей, и мне казалось — я чувствовал это всем телом, — что море смотрит на меня. Не глазами, не взглядом — смотреть можно по-разному. Оно смотрело своим бескрайним телом, которое то наступало на берег, словно делая шаг мне навстречу, то отступало, оставляя на мокром песке влажные следы. В этих следах, как в тёмных зеркалах, отражались звёзды. Они дрожали там, на границе воды и земли, и мне казалось — они боялись. Боялись, что их утянет обратно, в глубину, откуда нет возврата. И тогда я подумал: человек в такие минуты подобен мокрому песку. Мы тоже храним в себе отражения — лиц, голосов, случайных слов, обещаний, которые не были выполнены. Мы пытаемся удержать их, но они ускользают, как вода сквозь пальцы. Что-то исчезает бесследно, стирается волнами времени. Что-то остаётся навсегда, въедается в память, как соль въедается в кожу. И только море — это древнее, всё помнящее море — знает, что именно останется, когда нас уже не будет.

Я не знал тогда. Я не мог знать. Что эта ночь станет для меня последней — последней, когда я могу стоять вот так, вдыхать влажный воздух, слушать, как море шепчет что-то на языке, которого я не понимаю. Через несколько часов я буду лежать на мокром асфальте, и пуля будет сидеть в моём плече, а дождь будет смешиваться с моей кровью. Я не знал, что эта ночь разрежет мою жизнь надвое — на «до» и «после», на то, что я был, и на то, кем я стану. А пока я просто стоял. Дышал. Слушал. Просто был — ещё не зная, что это состояние станет самой большой роскошью.

Названия. Я часто думал о них. Названия и слова — кажется, одно и то же, но это обман. Слово всегда больше. Слово глубже, таинственнее. Название — это лишь отпечаток человеческой мысли. Поспешный, иногда небрежный, слишком привязанный к тому, кто его произносит. А слово — это образ мысли какого-то Совершенного, того, кто не торопится, кто знает, что каждое слово имеет вес. Ведь все названия рождаются от слов, как реки рождаются от родников, — но не все слова становятся названиями. Некоторые так и остаются бездомными, бродят по миру, ищут, к кому прийти, в ком обрести свой дом. После всего, что случилось, меня не отпускал один вопрос. Простой, как удар, — и в то же время неразрешимый, как сама жизнь. Что значит — быть Человеком? С большой буквы. На него должны знать ответ все. Но никто не хочет задавать его себе. Потому что страшно. Страшно остаться наедине с собой — и обнаружить не ответ, а пустоту. Звенящую, тёмную, требующую заполнения. Страшно быть Человеком. Потому что это больно. Это страшно. Это неудобно — для тех, кто привык быть удобным. А быть Человеком — значит перестать быть удобным. Хотя бы для самого себя. Быть Человеком... Быть Человеком — значит любить то, что выше тебя, стараться быть совершенным и одновременно не достигнуть вершины, потому что лишь только совершенство может тебя сделать ещё совершеннее. А достигнуть совершенства — значит не принять тот факт, что есть создание совершеннее тебя. И в этом отказе — тоже человеческое. В этом вечном стремлении вверх, которое никогда не заканчивается, и в этой невозможности признать, что кто-то уже выше, — может быть, и есть вся наша природа.

Я возвращался к этой мысли снова и снова. В те дни — и в дни после. Я думал об этом, когда поднимал голову к небу, когда море шумело у моих ног, когда шёл по ночным улицам и видел, как в окнах загораются и гаснут огни. Каждый из них был чьей-то жизнью. Чьими-то надеждами, чьими-то потерями, чьим-то одиночеством, запертым в четырёх стенах. И я не знал, кто я среди этих огней. Тот, кто светит? Или тот, кто ждёт, пока кто-то другой зажжёт ему свет? Может быть, я был просто тенью, которая скользит между окнами, не имея своего дома, не зная, куда идти.

Меня зовут Макс. Я никогда не думал, что однажды стану писать о себе. Не в дневнике, не на клочке бумаги, не в книге. Но сейчас моя ручка словно плачет на бумаге — чёрные чернила расплываются, оставляя следы, похожие на слёзы. И она даёт начало. Начало дневнику. Начало той ночи, которая сама дала мне начало — не просто дату, а смысл. Тот смысл, который я искал так долго, не зная, что он будет ждать меня на мокром асфальте, в смеси дождя и крови. Ручка скользит по бумаге, оставляя за собой не просто слова — следы. Как на мокром песке остаются следы человека, который идёт вдоль берега и не оборачивается. Я тоже не хочу оборачиваться. Я хочу идти вперёд, даже если там темно, даже если не видно дороги. Но иногда, чтобы сделать шаг в будущее, нужно сначала вернуться. Пройти обратно по своим же следам. Вернуться туда, где всё началось. Туда, где ночь была прозрачной, как стекло, а море ещё умело говорить со мной — на языке, который я теперь, кажется, начинаю понимать.

В ту одинокую ночь. Ночь, которая смотрела на нас своими жёлтыми глазами — фонарями, вырвавшимися из асфальта, как странные металлические стебли. Они тянулись к звёздам, эти фонари. Для них звёзды были совершенством — недостижимым, холодным, вечным. И они смотрели на них снизу вверх, не отрываясь, как смотрят на то, что никогда не станет твоим. Но звёзды не смотрели в ответ. Они вообще не смотрели ни на кого. Они просто были. И этого было достаточно, чтобы чувствовать себя ничтожным. Звёзды. Они были глазами ночи, и они видели то, что нам никогда не дано разглядеть. Где бы мы ни были — в городе, в пустыне, на краю земли, — мы всегда слепы по сравнению с ними. Они смотрели на нас сверху, и в их холодном свете было что-то, чего мы не заслуживали. Не потому, что были плохими. А потому, что были слишком маленькими. Они не судили. Они не гневались. Они просто видели — и это было страшнее любого приговора. Потому что перед судьёй можно оправдаться. Перед Богом — покаяться. А перед безмолвным взглядом звёзд нельзя спрятаться. Нельзя солгать. Нельзя уйти от ответа.

А потом ночь закрыла свои светлые глаза. Одна за другой гасли звёзды, будто их задувал невидимый ветер. Тучи навалились на небо — тяжёлые, плотные, и ночь заплакала. Не потому, что ей было больно. А потому, что она видела то, что люди называют ненавистью. Видела, как двое парней лежат на спине на мокром асфальте. Руки раскинуты в стороны, лица обращены к небу, но они уже не видят ни туч, ни звёзд. Они почти не дышат. Они почти не живут. И весь мир показался нам уже перевернутым на сто восемьдесят градусов: весь мир, все лампочки на дорогах, все звёзды на небе, вся Земля, всё совершенство — всё теперь лежало не так, как прежде, и мы вместе с ним. Мы едва шевелились под этим холодным ливнем. Раненые, почти без сознания, мы делали шаг за шагом. И с каждым потерянным миллилитром крови наша дружба становилась крепче — не потому, что мы хотели этого, а потому, что не могли иначе. Кровь смешивалась с дождём, и мне казалось, что сам город истекает вместе с нами. Что асфальт темнеет под нами, впитывая нашу боль, и молчит. Он не жаловался, не кричал, не просил пощады. Он просто пил нашу боль, хранил её в своих трещинах, как хранят тайну, которую нельзя произнести вслух.

Дождь был ледяным, но мы почти не чувствовали холода. Боль притупилась, оставив после себя странную пустоту. Она разливалась по телу медленно, как будто кто-то внутри нас выключал свет — комнату за комнатой, этаж за этажом. Я слышал своё дыхание — хриплое, рваное, похожее на звук, который издаёт бегущий, забывший, от чего и зачем он бежит. А

рядом со мной дышал Слава. Тихо. Почти неслышно. И каждый его выдох был слабее моего. И от этого становилось страшнее, чем от самой пули, чем от самой смерти.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.